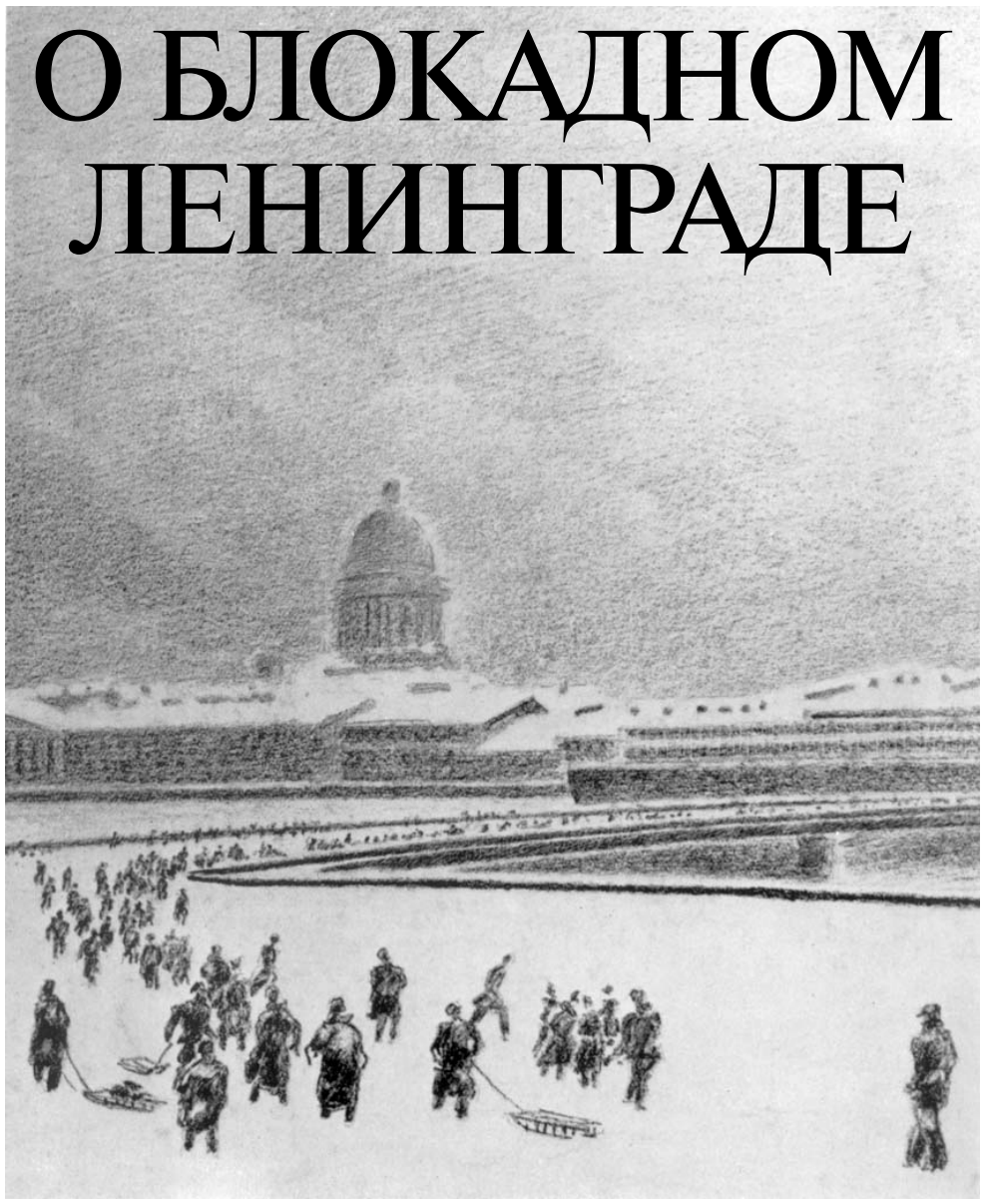
О БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ



Впервых числах июня 1941 года меня с бабушкой отправили на дачу в Кавголово. Родители предполагали пойти в отпуск и присоединиться к нам в начале июля. В воскресенье 22 июня было теплое солнечное утро – начинался первый настоящий летний день, до того июнь был холодный, еще никто не купался. Сразу после завтрака отец предложил мне пойти на озеро. Но до озера мы не дошли. Около почты стоял народ, все слушали радио – выступал В.М. Молотов, говорил о том, что началась война с фашистской Германией. Через неделю мы возвращались в город. Этот короткий дачный сезон сыграл большую роль в последующей жизни в городе. Дело в том, что в предвоенные годы в Ленинграде, как, по-видимому, и в других местах Советского Союза, было непросто с приобретением продуктов питания. Я помню, что каждое утро бабушка шла «за продуктами», и каждый такой поход назывался «идти стоять в очереди», без очереди в то время почти ничего купить было нельзя. Готовясь к жизни на даче, бабушка делала запас продуктов на три месяца, чтобы во время дачной жизни отдохнуть от стояния в очередях. У нас была плетеная корзина с крышкой, в которой я, девятилетний мальчик, иногда прятался. К переезду на дачу эта корзина была наполнена пакетами с крупой и мукой, консервными банками, бутылками с постным маслом и прочими полезными вещами. В страшную зиму 1941- 1942 гг. содержимое этой корзины и спасло нас от голодной смерти.

8 сентября все мальчишки нашего дома на Малой Пушкарской улице полезли на крышу смотреть, как далеко за Невой поднимаются густые клубы дыма. Это горели известные Бадаевские склады. Взрослые говорили, что фашистские самолеты подожгли деревянные складские помещения, в которых сгорели тысячи тонн продовольственных товаров. В этот же день замкнулось кольцо блокады – фашистские войска вышли на берег Ладожского озера, лишив Ленинград сухопутной связи с Большой землей.

Еще в середине августа мой отец, работавший инженером в институте Теплоэлектропроект, был командирован на строительство электростанции в Караганду, где во время войны создавался большой промышленный центр, ставший позже основой города Темир-Тау. Моя мама-врач была на полувоенном положении, ей уезжать не разрешили, и мама, бабушка и я остались в Ленинграде. Только в июле 1942 года, когда военная обстановка вокруг Ленинграда стабилизировалась, маме разрешили эвакуироваться, и мы поездом с Финляндского вокзала, речным трамваем через Ладожское озеро перебрались на Большую землю, а затем в вагоне-«теплушке» добрались до Караганды, где нас встречал отец. Но это уже особая история, вернёмся в блокированный Ленинград.

Вконце октября перестал гореть электрический свет, ему на смену пришли керосиновые «коптилки» – фитилёк, опущенный в баночку с керосином, который давал слабый, желтый, коптящий свет. Скоро не стало воды в водопроводе. В это время с нами жила моя тетя, сестра отца, которая до войны жила в Шушарах, и бежала от фашистского наступления в город. Я помню, как однажды в начале декабря в сильный мороз мы с ней ездили с санками и двухведерным баком за водой на Неву к Петропавловской крепости. Воду черпали из проруби. Народу около проруби было много. К счастью, такой поход за водой состоялся только один раз. В соседнем доме на Малой Пушкарской в подвале был водопроводный кран, который не замерзал и из которого всё время текла чистая водопроводная вода. Вот туда мы и ходили за водой. Замерзла канализация. Нечистоты нужно было выносить на двор и сливать в люк или в помойную яму. Напротив наших окон через Малую Пушкарскую образовалась самая отвратительная картина, которую мне когда-либо приходилось видеть. Кто-то был уже так ослаблен, что не мог дотащить ведро с нечистотами до двора, он (она) выливали содержимое ведра через разбитое окно на лестнице четвертого этажа. В сильный мороз все, что было в ведре, примерзало к стене, образуя разноцветные наледи, комки и клочки. Эта картина оставила в моей памяти более тяжелое впечатление, чем лежащие на улице трупы взрослых и детей, погибших от осколков снарядов, голода или мороза.

Дома, конечно, было холодно. В нашей квартире было печное отопление. Летом 1941 года у нас в сарае еще оставалось немного дров с прошлого года. Противопожарная охрана приказала все сараи разобрать. Часть дров мама с моей помощью подняла на четвертый этаж. Дровами заполнили старый платяной шкаф. Вот этими дровами, старой обувью, тряпками, палками, которые удавалось подобрать на улице, мы понемногу топили. Было холодно, но цветы на подоконниках не замерзали. На Новый год (1942-й) один из бабушкиных цветков был наряжен как новогодняя елка. У нас был праздник. Новогодний праздник совпал с известиями о том, что фашистские войска отброшены от Москвы, освобожден Тихвин, начала работать Дорога жизни через Ладожское озеро.

Должен сказать о том, что все время в нашей квартире работала, как тогда говорили, радиотрансляционная точка. Зимой школа не работала, делать мне было нечего, и я слушал радио: новости, литературные передачи, театр у микрофона, музыку. Хорошо помню с тех пор «Севастопольские рассказы» Льва Толстого. Все ждали выступления по радио Ильи Эренбурга. Взрослые говорили, что Эренбург знает больше других и может дать обоснованную оценку политической ситуации. Все ждали от каждого его выступления слов о возможности открытия второго фронта. Я слышал от знакомых и потом много раз читал о том, что непрерывно работающее радио – это было величайшее достижение защитников Ленинграда. Многие люди смогли перенести холод и голод, остаться в живых потому, что каждый день слышали живой голос из репродуктора.

Вянваре 1942 года жизнь в городе начала налаживаться. По радио регулярно сообщали, что Ленгорисполком разрешил выдать по карточкам столько-то граммов такого-то продукта питания. Я хорошо помню выдачу на мясной талон 100 граммов свиной тушенки. Это была американская тушенка, прибывшая в Ленинград через Атлантический океан, Мурманск и по Дороге жизни через Ладожское озеро. Бабушка варила студень из столярного клея. Клей нужно было развести в горячей воде, вскипятить, снять пену и добавить в образовавшийся бульон американскую свиную тушенку. Получался упругий студень. Было очень вкусно!

Я хорошо запомнил, как в середине января бабушка, мама и я шли пешком с Петроградской стороны на канал Грибоедова, чтобы проститься с моим прадедом, который умер, не дожив нескольких месяцев до 90 лет. Мы шли через заледеневший замерзший город. Был яркий солнечный и очень морозный день. Улицы города были пусты. Около Биржевого моста стояла одинокая пожарная машина, от которой тянулся пожарный шланг на пятый или шестой этаж университетского студенческого общежития. По-видимому, там был пожар. Эта машина и несколько пожарных в форменной одежде были признаком жизни, которая еще теплилась в нашем городе.

Совсем другую картину я запомнил в начале апреля 1942 года Я стоял у ограды Матвеевского садика и смотрел на то, что происходило на Большой Пушкарской улице. Напомню, что Матвеевский садик возник на месте взорванной в начале 30-х годов церкви святого Матвея. Из обломков церкви в центре садика образовалась горка. Дети из окружающих домов любили кататься на санках с этой горки. На Большой Пушкарской в тот апрельский день десятки людей разбивали ломами смерзшийся снег и грузили глыбы снега на подъезжавшие грузовики. Всю зиму было много снегопадов, снег никто не убирал. Толщина смерзшегося снега была более полуметра, кое-где были протоптаны тропинки. Беда была в том, что в темные морозные декабрьские вечера многие истощенные от голода пешеходы спотыкались, падали в снег и уже не могли подняться. К утру снег заметал застывшие трупы. В апреле снег начал таять, возникла опасность эпидемии. Снег и всё, что в нем находилось, нужно было срочно убрать. Вот эта очистка ленинградских улиц ранней весной 1942 года запомнилась мне, как одно из наиболее ярких событий, которые шаг за шагом привели нашу страну к Победе в 1945 году.

Профессор О.Г. ВЕНДИК
4 января 2004 года

Продолжение следует

Лэтийцы на защите города

27 января 1944 года, после двенадцатидневных непрерывных наступательных боев, бойцы Ленинградского фронта, разгромив осаждавшие город фашистские войска, полностью освободили Ленинград от 900-дневной вражеской блокады, от варварских артобстрелов и авианалетов.
Полное снятие блокады явилось завершающим этапом беспримерной в истории мировых войн эпопеи героической обороны города с многомиллионным мирным населением.

На первом этапе (в июле – сентябре 1941 года) войска Северо-Западного (затем Ленинградского) фронта в результате двухмесячных ожесточенных оборонительных боев с превосходящими по технике и военному опыту отборными частями фашистской армейской группы «Север» сорвали чудовищный гитлеровский план молниеносного захвата и последующего физического уничтожения Ленинграда.

Две недели фашистские войска не могли преодолеть возведенный трудящимися Ленинграда и области временный Лужский рубеж обороны, на защиту которого в помощь фронту город направил две дивизии армии народного ополчения, несколько тысяч добровольцев-политбойцов, курсантские батальоны ряда военных училищ. В тыл врага были заброшены диверсионно-партизанские группы. Из ЛЭТИ в боях на первом этапе участвовали многие красноармейцы-пограничники призыва 1939/40 годов: А. Вавилов, С. Беатус, Ю. Стрелко, В. Муковников, более 30 добровольцев-политбойцов: Я. Остромухов, А. Кундин, М. Гайлес, В. Кучерявый и другие. Были здесь и сотни гвардейцев-ополченцев1-й, 2-й и 3-й дивизии ЛАНО, среди них А. Бычков, П. Голованов, А. Баруздин, Г. Сипайлов, Д. Собашников и другие. В числе строителей Лужского рубежа были два крупных (более 300 человек) отряда, в основном из студенток-девушек и мужчин-белобилетников. Но силы были неравными, враг имел большое преимущество в авиации и танках – эти потери велики и трудновосполнимы, – гитлеровцы прорвали Лужский рубеж.

Войска Ленинградского фронта, изматывая и уничтожая врага в упорных боях за каждый участок родной земли, продолжали отход на ближние рубежи обороны города, которые возводили многие тысячи ленинградцев. Сотни километров защитных траншей, противотанковых рвов и проволочных заграждений, более тысячи земляных и долговременных бетонных огневых точек создали мирные защитники города. Среди них – восемь строительных отрядов из ЛЭТИ, работавших буквально под бомбежкой и артобстрелом противника и угрозой окружения. Так было под Гостилицами, Лейпису, Лемболовом, Роговкой, Шушарами.

Вкритические для Ленинграда дни начала сентября, когда немецкое командование готовило штурм города, Верховный главнокомандующий И.В. Сталин сменил руководство фронтом – маршал К.Е. Ворошилов передал командование генералу армии Г.К. Жукову, решительные действия которого существенно подняли боеспособность и моральный дух всех участников обороны. На главные участки обороны были направлены дополнительно десять дивизий ЛАНО (более 200 тысяч бойцов) и несколько бригад балтийских морских пехотинцев. Значительная часть внутригородской зенитной артиллерии была переведена на окраины города для борьбы с танками противника. С Карельского перешейка на южные рубежи обороны были направлены несколько дивизий 23-й армии Ленинградского фронта. Эта армия длительное время вела войну с финскими реваншистами, которым Гитлер обещал после победы над Советским Союзом отдать Карелию и ряд районов Ленинградской и Архангельской областей для создания Финской империи.

Окончание на стр. 4.